

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Н. Н. Широбокова

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ЛЕКСИКЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ¹

В результате длительного существования сибирских тюркских языков на контактной территории (в древнетюркский период это была контактная территория и для прякутского языка) должна была сформироваться система общих инноваций на уровне форм, процессов или тенденций.

Первый уровень ожидания таких общих форм – это лексика, как наиболее проницаемый уровень языка. Задача поиска лексем, присутствующих только в тюркских языках Сибири, уже ставилась рядом исследователей; так, исследование В. И. Рассадина [1] выявило ряд лексем, отсутствующих за пределами Сибири, хотя в сибирских тюркских языках они представлены неравномерно.

Именная лексика

Лексика, связанная с ландшафтом

Арыскан (алт., тоф., тув.) ‘гарь’;
меес (алт.), *меэс* (тоф.), *мээс* (тув.) ‘безлесный южный склон горы’;
јум в выражении *јум агаиш* (алт.) ‘девственный лес’, *ним* (тоф.) ‘чистый, нетронутый, девственный – о местности, пастбище и т.п.’;
каскак: *каскак јер* (алт.) ‘круча’, *каскак* (тоф., тув.) ‘труднопроходимый крутой склон горы, заросший кустарником’;
сеп (тоф., тув.), *сип* (хак.) ‘залив на реке, озере’;
учар (алт.) ‘водопад’, *ушар* (тоф., тув.) ‘водопад; порог’ (возможно, в основе этого слова лежит общетюркский корень *уч-* ‘лететь’).

Флористическая терминология

Ай (алт., шор.) в сложном слове *саргай* (< *сарыг ай*), *ай* (хак.) в сложном слове *саргай* (< *сарыг ай*), *ай* (тоф., тув.) ‘сарана’;
мөш (алт.), *бөш* (тоф.), *пөш* (тув.) ‘кедр’, *бэс* (як.) ‘сосна’;
тая (алт.) ‘кустарник’, *дага* (тоф.), *дая* (тув.) ‘жимолость’;
јыраа (алт.) ‘кустарник’, *чыраа* (хак.) – название кустарника, *чыраа* (тоф.) ‘карликовая береза, ерник’, *чыраа* (тув.) ‘ивняк’;
сөгүскен, *сөскөн* (алт.), *сөөскен* (тоф., тув.) ‘таволга’;

казылган (алт.) – вид черной смородины, *казылган* (тоф., гутаринский говор) ‘рододендрон’, *казылган* (тув.) – кустарник с черными ягодами;
јойгон (алт.), *чойган* (тоф., тув.) ‘пихта’;
чиби (алт.), *шиби* (тоф.), *шиви* (тув.) ‘ель’, *сыбы* (хак.) ‘ель; пихта’, *щүбе* (шор.) ‘пихта’;
эргүүш (алт.), *ээргүүс* (тоф.), *ээргиш* (тув.) ‘рябина’;
јең ес (алт.), *нең ес* (тоф.), *чиң ис* (тув.), *чең ис* (хак., сагайский диалект) ‘мох’;
чейне (алт.), *шең нэ* (тоф.), *шең не* (тув.), *сиң не* (хак.), *шең де*, *шейне* (шор.) ‘пион, марьин корень’;
кылбыш (алт., тоф., тув.) ‘бадан’;
калма (алт.), *һылба* (тоф.), *хылба* (тув.), *халба* (хак.), *калба* (шор.) ‘черемша’;
ухсум (хак.), *оксум* (шор.), *уксум* (чул.-тюрк.) ‘дикий лук’;
сарансын (алт.), *сарансал* (тув.), *сарансы* (тодзинский диалект тувинского языка), *сарансы* (тоф.) ‘ревень’;
сиген (тоф., хак.) – вид травы, *сиген* (тув.) ‘трава; сено’;
куулгы (алт. – телеутский диалект, тоф., тув.), *хуулган* (хак.) ‘сухостойное дерево’;
тазыл (алт., тоф., шор., бараб.), *дазыл* (тув.), *тазылга* (хак.) ‘торчащий корень вывернутого дерева’;
чобра, *чыбыра* (алт.) ‘кора лиственницы’, *чөһпрээ* (тоф.) ‘кора хвойных деревьев’, *чөвүрээ* (тув.) ‘кора’, *собыра* (хак.) ‘сухая кора тополя’;
шаң да (алт., тув.) ‘кора’, *шаң да* (тоф.) ‘слой коры под берестой’, *шаң да* (шор.) ‘гнилая древесина березы’;
тоорчык (алт.) ‘шишка – еловая и пихтовая’, *тоорук* (тоф.) ‘шишка остальных хвойных деревьев, кроме кедра’, *тоорук* (тув.) ‘кедровая шишка’, *торым* (хак.), *тоорум* (шор.), *тоорган* (чул.-тюрк.) ‘шишка’, *туорах* (як.) ‘древесная шишка’.

Лексика, относящаяся к животному миру

Анай (алт., тув.), *аьнай* (тоф.) ‘оленинок’;
бабырган (алт.), *пабырган* (хак.), *аьтырган* (тоф.), *авырган* (тув.) ‘белка-летяга’;
көрүк (алт., шор.), *көрик* (хак.), *һөөрүк* (тоф.), *хөөрүк* (тув.), *күвәрик* (чул.-тюрк.) ‘бурундук’;
өркө (алт.), *өрке* (хак.), *өрге* (тоф., тув.), *өргүө* (як.) ‘суслик’;
тооргы, *табыргы* (алт.), *табырга* (хак. – сагайский диалект), *табыргы* (шор.), *тооргу* (тоф., тув.) ‘кабарга’;
үс (алт., хак., шор., чул.-тюрк.), *үс* (тоф., тув.), *үүс* (як.) ‘рысь’;
томуртка (алт.), *тобыргы* (хак.), *тоһорго* (тоф.), *торгу* (тув.) ‘дятел’;
кеерген (хак., шор.), *кеэрһен* (тоф.), *кээрген* (тув.) ‘кедровка’;

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 01-04-00274а).

чилен: *кара чилен* (алт.), *шилен* (тоф.) 'аист', *шилен* (тув.), *сүлен* (хак.) *шүлен* (шор.) 'цапля';

сымда (алт.), *сым*, *сымна* (хак.), *сымны* (чул.-тюрк.), *сынма* (шор.) 'рябчик';

таркат (алт.), *тарнат* (тоф.) 'утка-крохаль';

тарагай (хак.), *таргый* (тоф.), *даргый* (тув.) 'бекас';

мечиртке (алт.), *беһерген* (тоф.), *межерген* (тув.), *мэжчиргэ* (як.) 'сова';

таскачак (алт., шор.), *таскадзак* (чул.-тюрк.) 'сова, сыч';

эсир (тоф.), *эзир* (тув.) 'орел', *эсир* (як.) – птица наподобие журавля;

маас (алт., хак., тув.), *мас* (тоф.) 'паут, овод';

бел (алт., тоф., тув.), *тил* (хак.), *пел* (шор.), *бил* (як.) 'таймень';

мишт (тоф.), *мыйыт* (тув.), *бийыт* (як.) 'ленок (рыба)';

чойлошкон (алт.), *шойлашкан* (тоф.), *шайлашкын* (тув.) 'дождевой червь'.

Названия утвари, частей жилища, орудий труда, одежды

Кылҗы (алт.), *һыльчжы* (тоф.), *хылчы* (хак. – сагайский диалект), *хылчаг*, *хылга* (хак.), *кылы* (шор.), *кылдыы* (як.) 'дужка ведра';

шҗирме (алт.), *шльчжирме* (тоф.), *илчирбе* (тув.), *илчирбе* (хак.), *илчирбе* (шор.) 'очажная цепочка';

соо (тоф., тув., шор.) 'берестяной сосуд';

барба (тоф., тув.) 'переметная сума', *марба* (як.) 'кожаный мешок';

сыран (алт. – телеутский диалект) – один из шести основных шестов чума, *сыран* (тоф.) – опорный шест чума, к которому привязывается очажная цепочка и который поддерживает весь остов чума, *суран* (тув.) 'основа берестяного чума';

озуп, *оозык* (алт.), *осук* (тоф.), *озук* (тув.), *усып*, *оозуп*, *озук* (хак.), *осуп* (шор.) 'корнекопалка';

орбо (алт.), *орпа* (тоф.), *орба* (тув., хак., шор.) 'колотушка шаманского бубна' (происходит, вероятно, от глагола *ор-* 'бить, ударять', не сохранившегося в языках Саяно-Алтая, но широко представленного в других тюркских языках);

теербек (алт.) – кольца, которые опоясывают колотушку шаманского бубна, *дээрбек* (тоф., тув.) 'подвески на поясе';

чүһнүр (тоф.), *чүвүр* (тув.) 'штаны', *сүбүр* (хак. – качинский диалект) 'панталоны';

җакы (алт.), *чагы* (тоф., тув.) 'шуба, доха', *чагы* (шор.) 'шуба из собачьих шкур';

ая (алт., тув., хак.), *айа* (тоф., шор., як.) 'лук-самострел';

согон (алт.), *согун* (тоф., тув., чул.-тюрк.), *соган* (хак.), *соган* (шор.); *оноғос* (як., метатеза) 'стрела' (возможно, слово происходит от глагола *ок-* 'бить, ударять');

эдиске (алт.), *э́тиски* (тоф.), *эдиски* (тув., шор.) 'манок-пищик на косулю, кабаргу' (вероятно, в основе слова лежит глагол *эт-* 'издавать звук', сохранившийся, например, в тофаларском *эт-* и тувинском *эт-* в значении 'издавать звук, кричать – о животных', в якутском языке *эт-* 'говорить – о человеке, куковать; греметь – о громе' и зафиксированный в древнетюркском языке *ät-* 'петь – о птицах').

Глагольная лексика

Кажсай- (алт.), *хазар-* (хак.), *каһһяр-* (тоф.), *кажсарар-* (тув.) 'побелеть, поседеть; виднеться белым' (ср. кирг. *кашкай-* – *id.*, кашка 'белая отметина на лбу животных'; возможно, во всех этих словах общий корень **каш*);

кыйбың да- (алт. – тубаларский диалект) 'двигаться, шевелиться', *хойбаң на-* (хак.) 'вилять, извиваться', *кыйпаң на-* (тоф.) 'двигаться зигзагами', *кыйпа-* (тоф.) 'отклоняться в сторону при движении', *кыбың на-* (тув.) 'ерзать, вертеться, шевелиться', *кыйба-* (тув.) 'отклоняться – от цели; слоняться без цели', *куйбаң наа-*, *куймаң наа-* (як.) 'извиваться, вилять, вихлять';

калаң да (алт.) 'качаться, свисая, болтаться из стороны в сторону', *халбаң на-* (хак.) 'болтаться – об одежде', *һалаң на-* (тоф.) 'свисая, качаться из стороны в сторону, болтаться', *калбаң на* (шор., тув.) 'качаться, колебаться, болтаться – от ветра', *халбаң наа-* (як.) 'сдвигаться с места; шататься';

мергеде- (алт.), *миргеле-* (хак.), *мерһеле-* (тоф.), *мергеле-* (тув.) 'кидать, швырять';

түл- (алт.), *дүл-* (тоф., тув.) 'класть мясо в котел для варки; варить мясо в котле';

тур- (тоф., тув.), *туур-* (як.) 'выбить, вышибить';

чымыра-, *чыбыра-*, *шымыра-* (алт.), *сыбыра-* (хак.), *сыбра-* (шор.), *сымыра-* (тоф.), *сымыран-* (тув.) 'шептать';

җың ыла- (алт.), *чуң гула-* (тоф., тув.) 'скользить, кататься на чем-либо скользком'.

Прочие слова

Аамай (алт., тоф., тув.), *аң май* (шор.) 'ротозей', ср. *аң май-* (хак.), *амай-* (як.) 'ротозейничать';

мерге (алт., тув.), *мирге* (хак.), *мерһе* (тоф.) 'палка, бита';

соот (алт.) 'забава, развлечение, увеселение', *соот*: *чуга-соот* (тув.) 'разговоры', *соот* (тоф.) 'слово', ср. *сооттас-* (хак., чул.-тюрк.) 'говорить, беседовать';

коос (алт. – телеутский диалект) 'красивый; шеголь; украшение, убранство', *хоос* (хак.) 'рисунок, узор; украшение, вышивка', *куас* (бараб., чул.-тюрк.) 'франтоватый; красивый, видный', *каас* (тоф.) 'нарядный; узор, украшение', *каас* (тув.) 'нарядный, пышный';

энир (тоф.), энир (тув.), үнүр (як.) 'недавно';
эн: эн эт 'мышцы спины', эн учук 'спинные жилы' (алт.), ээн: ээн эт (тув.), эн: эн эт (тоф.) 'мышцы спины' иэн (як.) 'нижняя часть спины от поясницы до крестца';

эдир (тоф.) 'жировая подушка поверх желудка', эдир (тув.), итир (як.) 'сальник';

чырымһа (тоф.) 'болонь, пленка на мясе', шырың ма (тув.) 'пленка';
сырың ма (шор.) 'лишайник';

саат (алт. – теленгитский диалект) 'яремная жила на шее', саат (тоф.) 'шейная жила', саат (тув.) 'сонная артерия';

аай (алт., тоф., тув.) 'порядок, суть, толк', аанья (як.) 'соразмерность, суть, толк';

адыш (тоф., тув.), ытыс (як.) 'ладонь';

чедирген (алт.), шедирген (тоф.) 'искра'.

Значительную часть этой лексики составляют заимствования. Большой процент заимствований из монгольских языков в тюркских языках Сибири выделяется Н. А. Баскаковым как классификационный для всей группы сибирских тюркских языков [2]. Проблеме монгольских заимствований в тюркских языках Сибири посвящена монография В. И. Рассадина [3]. Интересный материал дает анализ заимствований в тюркские языки из енисейских и самодийских языков [4].

Е. А. Хелимский, анализируя самодийско-тюркские языковые параллели, выявил самодийские заимствования в якутском, не имеющие соответствий в других сибирских языках [5].

Так вероятно, что к какому-то самодийскому источнику восходит як. *каптаҕас* 'красная смородина' (> эвен. *каптаҕас* [6. С. 377]).

ПС **keptu* 'смородина'

Як., тув. *tut* 'охотничьи лыжи (подбитые шкурой)'.
ПС **tutə* 'лыжи', отражено в эн. *tuđo* и нган. *tutə*.

Но большая часть анализируемых Е. А. Хелимским самодийских заимствований в тюркские языки представлена в южносибирских тюркских языках.

ПТ **gat* (или *kat*) 'ягода': ср.-тюрк. *kat*, алт., хак. диал. *qat*, тув. *kat* [7. С. 275; 8. С. 241; 9. С. 593-594; 10. С. 231].

ПТ**kađi* 'сосна': тоф., тув. *xadǰi*, нижнеюсск.-тюрк. *xaji* [11. С. 185], хак. (*qara*) *xazǰi* (койб. [7. С. 151]), (*xara*) *xazǰi* (качинск. [12. С. 814], чуваш. *xǰr*, *xǰrǎ* См. также [8. С. 218] с упоминанием туркм. *kajǰ* 'сосна' как результата контаминации с *kajǰ* 'береза'.

ПТ **kil* 'соболь' > общетюрк. **kiš*: др.-уйг., ср.-уйг., чаг., тув. *kiš*, якут. *kis*, казах., хак., *kis*, тат. *kəš* [8. С. 272; 9. С. 752].

ПС **ki* "соболь": эн. *sǰi*, сельк. *šr* [9. С. 91], мат. *ki*. Кам. *šili*, койб. *ssillae*, *sile* могут отражать ПС **kilz* или **kiłz*.

ПТ **tit* 'лиственница': др.-т. *tít*, як. *muum*, тув. *dit* и др. [8. С. 479; 9. С. 449], ср. также сиб.-тат. *tetaγac* 'кедр'.

ПС **titeŋ* 'сибирский кедр' ([13. С. 160] с реконструкцией **titejəŋ*), суффиксальный дериват от основы **tit* -< ПУ **siksi* (с реконструкцией ПУ **soksz* / **saksz*).

Историческое изучение лексики тюркских языков проводится обычно по тематическим группам [14; 15; 16], потому что «каждый из лексико-семантических разрядов слов обладает своими особенностями и возможностями в развитии значений» [17. С. 4], но история лексики любого языка – это и история каждого слова, поэтому анализ изоглосс 20-ти якутских слов, собранных по вопроснику «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», представляет определенный интерес для истории языка.

По характеру изоглосс якутские слова можно разделить на четыре группы: 1) специфическая якутская лексика – изоглосса охватывает только якутские и долганские пункты; 2) якутско-огузские изоглоссы; 3) якутско-кыпчакские изоглоссы и 4) якутско-сибирские изоглоссы.

В первую группу входит 12 из 20-ти рассматриваемых слов, что само по себе говорит о большом своеобразии якутского языка. Это следующие лексемы: 'лоб', 'заяц (одно из названий зайца)', 'муха', 'сосна', 'медь', 'сват', 'дверь', 'войлок', 'сам', 'высокий', 'легкий', 'писать'.

1. Як. *sy:s*, долг. *hy:s* 'лоб' соответствует *jyz/jys* 'лицо' других тюркских языков. Такой перенос целого на часть произошел из-за наличия синонимического ряда *ıyız* ~ *чирäй*, где *сирäй* (< *чирäй*) приняло на себя название лица [18. С. 138–149].

По материалам атласа, в современных тюркских языках употребляется восемь различных лексем для названия лба: *таҗлај*, *qamaq*, *аһн*, *fikæ*, *pefænx*, *f'amqa*, *dostaq*, *sy:s*.

Центральную зону² занимают различные фонетические варианты *таҗлај* / *таҗалај* / *таҗдај*. Слово является заимствованным из монгольских языков [8. С. 327; 20]. В письменном монгольском слово встречалось со значениями и 'лоб', и 'авангард'; второе из них – 'авангард' – сохранилось в тувинском языке: *таҗлај* / *таҗнај* 'передовая часть войск, авангард', только в этом значении проникло это заимствование и в персидский [19. С. 501–502]. В якутском языке *таҗнај* перешло в разряд наречий времени

² Понятие центральной группы ввел К. М. Мусаев. Она включает, главным образом, кыпчакские языки, охватывая в разной степени юго-западные, юго-восточные и восточные (сибирские) языки, и расположена в географическом центре тюркских языков [16. С. 336].

со значением 'сперва, сначала'. Специфическое сибирское употребление *qataq* в значении 'лоб' в якутском не проявилось [20]. Только в одном из значений семантического комплекса: лоб ~ пригорок ~ косогор ~ яр ~ берег ~ обрыв ~ веко ~ надбровная дуга ~ высокий берег реки..., свойственного слову *qataq* в разных языках, слово *хабах* сохраняется в якутском: *хаја хабаҕа* 'уступ горы' [21. Стб. 3214] (ср. *як хабах* 'мочевой пузырь'; др.-т. *qap₁* 'сосуд, мех, бурдюк, мешок'; *qap₂* 'оболочка плодного пузыря' [22. С. 420]).

2. В якутском языке существует много названий зайца: *куобах*, *дьүөлэкээн*, *табыскаан*, *хотонох*, *кылгас атах*, *туртас*, *амыдай*, *ньохоох*, *бодьойоон*, *ускаан*, *борооху*. Из перечисленных вариантов в материалах «Диалектологического атласа тюркских языков» представлены *куобах*, *табыскаан*, *ускаан*, *борооху*; остальные варианты взяты у Э. К. Пекарского [21. Стб. 3532] и А. Е. Кулаковского [23. С. 412, 418]. Наиболее распространенный вариант, вошедший в литературный якутский язык, — *куобах* — в других тюркских языках параллелей не имеет. Но два других тюркских названия зайца — *tabьsqa:n / tabьsqa:n* и *хотонох* — связывают якутский с двумя основными ареалами названий зайца в тюркских языках: огузским и кыпчакским.

Употреблявшееся в рунических и уйгурских текстах название зайца *tabis ʔan / tavis ʔan / tavis ʔan* в современных тюркских языках сохранилось в гагаузском, азербайджанском, туркменском, узбекском, уйгурском и якутском языках, т. е. этот вариант оказался вытесненным в маргинальные зоны, где в большей степени сохранились огузские черты: гагауз. *taufam*, *taufan*, *tawfam*, *tawfan*, *taufam*; азерб. *deβfan*, *do:fæn*, *do:fan*, *do:ufan*, *daβfan*, *do:ufæn*; туркм. *tofqan*, *toxfan*; уйг. *tofqan*; узб. *taxf'æn*, *tawf'qan*.

Попало это слово и в некоторые соседние кыпчакские языки: кумыкский (кайтакский диалект) — *tabьʔfan*, каракалпакский (южный диалект) — *tawfan*. Якутский язык сохранил это слово в наиболее древней форме, с -ь-: *tabьsqa:n / tabьsqa:n*. Но в якутском языке это слово отмечено не во всех пунктах, нет его и в долганском языке. А. Е. Кулаковский определял его как «кангаласское» *а хотонох*, соответствующее тюркскому *qoʔan ~ qʔan ~ xozan ~ qoʔan ~ hoʔan*, как «абыйское». В материалах атласа это слово в якутском языке не отмечено; уже Э. К. Пекарским оно характеризуется как «старинное название зайца» [21. Стб. 3532].

Анонимный составитель Терджуман (VIII в.) определил это слово как кыпчакское в противоположность туркменскому *tabis ʔan* [24. Цит. по: 25. С. 55]. Все древние памятники кыпчакских языков знают это слово, в то время как ни в рунических, ни в уйгурских текстах оно не встречается [26. С. 274].

Наличие этого слова в якутском языке говорит о каких-то древних якутско-кыпчакских контактах, так как в якутский это слово попало с закономерным -t- в соответствии с общетюркским -j- ~ -t- ~ -d- ~ -z- (др.-т. -f-). Ср. материалы по языку саянских горцев, записанные П. С. Палласом в «Зоографии» и приведенные в работе Е. А. Хелимского: *chodda* 'заяц'; мат. *choddan*, *кодан*; тайг. *choddan*; кар. *choddun*, *goton* [20. С. 31–32].

В современных тюркских языках различные фонетические варианты этого слова занимают всю центральную зону, сибирскую зону и вклиниваются в среднеазиатскую зону, вытесняя другие варианты, ср.: туркм. (хасарский диал.) *qoʔan / quʔan*, узб. (карлукское наречие, кыпчакское наречие) *qoʔan / quʔan*.

3. Як. *saxsʔrqa*; долг. *haqsʔrga* 'муха' можно сопоставить с др.-т. *čekurga* (у Махмуда Кашгарского дано с пометой — огузское [22. С. 645]) 'саранча, кузнечик'; ср.: осм. *чаьыртҕа* 'саранча'.

4. Якутское *бэс* 'сосна' сопоставимо с тув. *пөш*; шор. *пэс*; алт. *мөш*; тоф. *həʃ* 'кедр' [14. С. 17–18; 11. С. 89, 165]. В. И. Рассадин отнес это слово в тофском языке к лексике неизвестного происхождения. Употребляющееся в большинстве тюркских языков название сосны — *караҕай* — К. М. Мусаев рассматривает как ареальное кыпчакское название, противопоставленное огузскому: гагауз. *tʃm*, азерб. *fam aq adzʔ*, *fam aq af*, *fam* [15. С. 178].

В сибирских тюркских языках слово *qara ʔaj* проходит по алтайскому, шорскому, а также хакасскому языкам (за исключением абаканского говора качинского диалекта и кызыльского диалекта). В якутском оно дало *харыйа* 'ель' [14. С. 17; 15. С. 161]. Особый ареал составляет употребляемое в тувинском, тофском языках, кызыльском и качинском диалектах хакасского языка, в чулымском и чувашском название сосны: *хадь ~ hadь ~ ʔara ʔazь ~ qara qa:zь, qaraxa:zь, хьр, хьрз*. Ср. (?): як. *хатыы* 'терн, всякое колючее растение'; ср. также ненецкое *хады* 'ель'; тайгийское *kat* 'ель'; карагасское *kat*, *gatt*, маторское *ehat* [11. С. 185; 5. С. 38].

5. Специфическим якутским названием меди является *altan*; это слово отличается от известного во всех тюркских языках *altun ~ altʔn*... 'золото' не только семантикой, но и огласовкой (широкий гласный во втором слоге), сближающей якутский вариант с монгольскими *алт(ан)* и тунгусо-маньчжурскими вариантами: эвенк. *алтан*, сол. *алтā*, нанайск., ульчск., удэгейск. *алта(н)*. Изменение значения в якутском языке, вероятно, позднего происхождения; в эпосе *алтан* употребляется в значении 'золото, золотой' [21. Стб. 82]. Возможно, это изменение произошло под влиянием тунгусо-маньчжурских языков; у дальневосточных эвенков и в

негидальском языке *алтан* означает 'медь' [22. С. 19–20]; ср. также общую семантическую модель для обозначения золота – як. *кыһыл көмүс* 'золото' (букв.: 'красное серебро') и эвенк. вост. *хуларимэң ун*, нег. *халайин мэң ун* 'золото' (букв.: 'красное серебро') [27. С. 23].

Красная медь по-якутски называется парным словом *q̄zes altan* (*h̄zes* < монг. *žes*). Употребление *h̄zes* в значении 'красная медь' свойственно монгольским и некоторым сибирским тюркским языкам: шор. *h̄zes* 'красная медь'; тув. *h̄zes* 'красная медь' (при шор. *q̄ola* 'желтая медь'; тув. *χ̄ла* 'желтая медь'), что противопоставляет их остальным тюркским языкам, где в значении 'красная медь' выступает *baq̄r*, а *jes* ~ *zes* имеет значение 'желтая медь, латунь'. Следы существовавшей в якутском языке общетюркской семантической системы в названиях меди В. И. Цинциус считает як. *сисии-* (*сихиу-*) 'окрашивать в красный цвет', *сисик* 'ольха' (кору которой употребляли для окрашивания в красный цвет), *сисикта* 'окрашивать', 'окровавливать' [21. Стб. 2248–2249; 27. С. 28].

6. Наряду с заимствованным из русского языка словом *с̄ба:т* 'сват' в якутском языке в значении 'лицо, сватающее кого-л.' употребляется собственно якутское, не имеющее параллелей в других тюркских языках слово: *sv̄xvmh̄žv̄*, *sv̄xvm̄jv̄*, *hv̄xvm̄jv̄*; долг. *h̄x̄x̄vm̄h̄žv̄*: 1) 'посланник, посол, вестник, гонец'; 2) 'сват, сваха, сватанье'. Семантический комплекс здесь тот же, что, например, *el̄i* 'посол' → 'вестник' → 'сват' [28. С. 350–351].

7. 'Дверь' – *a:n* – означает в якутском языке также 'вход, проход, отверстие, ворота, проем, устье...'. В значении 'проем, проход, отверстие, щель...' оно имеет тюркские и монгольские параллели [14. С. 90; 28. С. 82].

8. В якутском не сохранились тюркские названия войлока *kl̄jls...* ~ *kl̄i:s* (сибирская и центральная зоны) и *ket̄l̄ʃæ...* (юго-зап. языки и чувашский), так как с утратой овцеводства была забыта и эта реалья: як. *б̄о:λ:əχ* < рус. войлок.

9. Як. *beje* 'сам, «Я» человека, личность, особа, существо, тело, туловище' < монг., монг. письм. *beje*, калм. *b̄ē*, *bij̄ə*; халх. *bij̄ə*; бур. *beje* 'тело, сущность' [29. С. 40; 3. С. 67]. Ср. др.-т. *bod* 'тело, существо' (> сиб. тюркские языки *p̄l* ~ *pos* ~ *p̄j* 'сам') > монг. 'особа, фигура' > як. *bodo* 'своеобразный вид, физиономия'.

Древнетюркское *əz*, сохранившееся почти во всех тюркских языках, за исключением сибирских (*p̄j...*), карачаево-балкарского, гагаузского и

чувашского (*k'es*, *k'endi*, *χam*) сохраняет в якутском более старое, конкретное значение 'центр, середина, сердцевина дерева' [28. С. 507].

10. Якутский и долганский выражают понятие 'высокий' разными способами: в долганском используется слово *v̄hvn* (ср.: *vzvn* / *vs.vn* в диалектах алтайского языка туба, кумандинском, челканском, теленгитском с тем же значением), которое в якутском имеет значение 'длинный, долгий (о пространстве и времени)'. В значении 'высокий' в якутском языке употребляется *γrd̄yk*, ср. др.-т. *örkü*: 1) 'находящийся вверху, занимающий высокое положение'; 2) 'сверх'; *örü* 'вверху, вверх' [22. С. 389, 390]. Широко употребляющаяся в большинстве тюркских языков лексема *pl̄jlk* / *m̄v̄:zlk* / *pelk* в якутском языке в каком-либо значении не отмечена [30. С. 219].

11. 'Легкий'. Якутский и долганский варианты: *h̄cep̄h̄cekl*, *h̄cebekl*, *h̄cep̄h̄jekl* не имеют параллелей в других тюркских языках. Судя по наличию *h̄c*, слово не принадлежит к древнейшему тюркскому слою якутской лексики.

12. 'Писать'. Во всех тюркских языках, кроме сибирских, употребляются различные фонетические варианты *jaz*; это слово появляется в средневековых тюркских памятниках (XI–XIII вв.). Г. Клоусон определил его как огузское, но очень древнее слово (см., например, древнее тюркское заимствование в венгерском *ir* 'писать') [9. С. 984]. Употреблявшееся в этом значении в рунических текстах *biti-*, *bit-* 'вырезать надпись, писать' в тюркской огласовке сохранилась только в огузском и карлукском наречиях узбекского языка (*bit-*) и в уйгурском (*p̄yt-*). В алтайский (алтай-кижи и телеутский) и тувинский языки это слово попало уже через монгольский: *pl̄h̄j*, *pl̄ʒi*. В якутском оно сохранилось (в монгольском оформлении) как элемент парного слова *сурук-бичик* 'письменность'.

Якутское слово 'писать' *svrvj-*, долг. *hvr̄vj-* < монг.; монг. письм. *žiru-*, *žuru-*, мук. *žiru-*, бур. *zura-*, халх. *dzure-*, орд. *džuru-* 'рисовать, чертить' относится к древнейшим монгольским заимствованиям, в которых монгольский *ž-* и *č-* перешли в *s-* [31. С. 683]: монг. *žiru-* (< ?), тюрк. *jaz* [8. С. 193; 9. С. 984]. О бурятском происхождении монгольских заимствований такого типа см. [29. С. 126; 3. С. 79].

Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что специфика этой группы якутской лексики сформировалась в результате: 1) прямого лексического заимствования из других языков ('войлок', 'сам', 'писать'); 2) «сдвигов» значения общетюркской ('лоб') или межтюркской ('муха', 'сосна') лексики при наличии синонимического ряда или под влиянием и по семантической модели языка-субстрата или адстрата ('медь');

3) образования собственно якутской лексики по тюркской семантической модели, но при других словообразовательных и лексических средствах ('сват', 'высокий', 'заяц').

По своим морфологическим особенностям якутский язык ближе всего стоит к языку орхонских памятников (настояще-будущее на =ар, причастие на =тах < др.-т. =мыш [33. С. 2–3]), т. е., по классификации Н. А. Баскакова, к древнеогузскому языку [2. С. 318]. Но специфическая огузская лексика, характерная для современных юго-западных огузских языков, в якутском отсутствует (например, *курт* 'волк' вместо *бөрө*, *алын* 'лоб' в противоположность *маңлай*, *кабак*, *карымджа* 'муравей' вместо *кумурсха* и т. д.).

Во второй группе можно выделить три слова, которые связывают якутский и огузские языки.

1. Специфическое огузское название зайца *tabьsqa:n* (см. выше).

2. Слово *bul-* в значении 'находить' (встречается в старейших текстах, а из живых языков – только в турецком, гагаузском, караимском и якутском, во всех остальных языках – *tap-* / *tab-* [28. С. 252; 9. С. 335, 435; 2. С. 533]).

3. Слово *ънах* / *ънақ* 'корова', связывающее якутский язык не только с юго-западными (огузскими), но и с сибирскими, из которых только диалекты сибирских татар (*съѣвр*, *тсьоар*, *съ:ѣвр*) и некоторые диалекты алтайского: телеуты, алтай-кижи, бачатские телеуты и туба – имеют другие лексемы со значением 'корова' (*yj* ~ *vj*, в туба также *linek* [34. С. 97; 37. С. 359; 32. С. 52–53]).

Еще более условно можно выделить якутско-кыпчакские изоглоссы.

1. 'Муравей'. В материалах атласа употребляется 10 наименований муравья, но лишь четыре варианта образуют межъязыковые ареалы. Из них три отмечены уже в древнетюркских памятниках: вариант *qarınča*, *qarınčak*, употребляемый сейчас только в южных (огузских) языках, встречается у Махмуда Кашгарского с пометкой – огузское [22. С. 647]; другой вариант, *qumursya*, встречается уже в рунических текстах VIII в. («Гадательная книга») [35. С. 241–268], но в более поздних текстах иногда определяется как кыпчакское слово [9. С. 662], в современных тюркских языках этот вариант образует обширный ареал, охватывающий карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский, татарский, башкирский, каракалпакский, узбекский, киргизский, казахский языки, диалекты сибирских татар, чулымский, хакасский, тувинский, тофский, теленгитский, шорский, якутский языки.

Третий древний вариант названия муравья – *t'fьmalь...*, который в словаре Махмуда Кашгарского охарактеризован как «чигильский» [22. С. 645], образует очень интересный ареал, охватывающий карлукское наречие узбекского языка, южный диалект киргизского и алтайский язык.

Четвертый ареал можно назвать «телеутским» – он охватывает телеутский диалект, диалект бачатских телеутов, зуштинский говор томского диалекта и калмакский говор томского диалекта – *kyzyrum*.

2. 'Волк'. Из многочисленных названий волка, известных в тюркских языках, наиболее древнюю фиксацию имеет *berі*, оно отмечено в китайских источниках для языка тоба в 436–557 гг. [25. С. 56] и для языка тюкю в 628–807 гг. Слово *kvrt*, характерное для современных юго-западных языков, уже в словаре Махмуда Кашгарского имело пометку огузское [22. С. 647]. Ареал распространения *berі* / *bory*... очень велик, он охватывает карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский, татарский, башкирский, туркменский (кырачский диалект и геокленский диалект, где также *lma:dzek/gu:rt*), каракалпакский, узбекский, киргизский, казахский и все тюркские языки Сибири.

Эти примеры свидетельствуют скорее не о якутско-огузских или якутско-кыпчакских контактах, а о длительной изоляции якутского языка от тюркского мира, так как эти особенности сформировались как огузские или кыпчакские уже гораздо позже, далеко на западе от мест обитания якутов [36. С. 204–211]. В якутский же язык во всех четырех рассмотренных случаях вошли наиболее древние лексемы.

Попытка выделить общесибирские изоглоссы, которые включали бы и якутский материал, привела к выводу, что в данном случае якутско-сибирская общность выражается скорее в отсутствии каких-либо общетюркских слов, например: 1) отсутствие одного из элементов пары: 'борода' – 'усы': якутский и долганский в значении и 'усы', и 'борода' употребляют *бытк* < др.-т. *bitik*, азерб. *моты* и т. д., а все остальные тюрки Сибири, кроме сибирских татар, в значении 'усы' и 'борода' употребляют разные фонетические варианты *saqal* ~ *sa:l*: азерб. *сагал*, каз. *сақал* 'борода' < др.-т. *sagab*; 2) отсутствие общетюркского *өз* в значении 'сам'; 3) отсутствие общетюркского *jaz* в значении 'писать' и т. д.

Яркой особенностью якутской лексики является наличие этимологически однокоренных слов в якутском языке.

В якутском языке имеется довольно большая группа слов, включающих этимологически идентичные корни – одни из них унаследованы из какого-то древнего тюркского языка, который лег в основу якутского, другие попали из различных монгольских и тюркских языков. Например:

як. *сулү* 'калым' < др.-т. *juluу* 'выкуп'; як. *толук* 'возмещение, восполнение убытков' < монг. *doliу* 'выкуп' [29. С. 28]. Ср. як.: *дьоллүк* / *дьяллик* 'бродяга' < монг., калм. *zoliу* (**zoliу*), халх. *дзалик* 'выкуп, фигурка из теста, а иногда человек, которым больной откупается от духов';

як. *sac-* 'прятаться, скрываться' < др.-т. *jaš* 'скрываться'; як. *далда* 'щиток, охотничий снаряд для скрадывания зверя' < монг. *dalda* 'тайный, незаметный', ср.-монг. *dalda* 'защита, ширма'. Из монгольского это слово попало и в другие тюркские языки: кирг. *далда*, *далда* 'прикрытие'; чаг., крым. *далда* 'задняя сторона, защита' [31. С. 22, 23].

Чаще других фонетических соответствий в таких словах встречается соответствие среднеязычных смычных и *c:c / Ø, ч / с, дь / с*.

1. В якутском языке анлаутный *c* выпал на ранних этапах развития языка (предположительно в VIII–X вв.), через ступень *c = > h = > Ø*. В заимствованиях из монгольских языков XII–XVI вв. *c-* регулярно сохраняется. Поэтому основам с *Ø* могут соответствовать этимологически однокоренные слова с анлаутным *c*: 1) як. *саба*, *сыба* 'мазать, обмазывать' < бур. *шаба* 'подмазывать'; як. *агаа* 'мазать' < др.-т. *suva-* 'обмазывать, мазать'; 2) як. *саба* 'махать, ударять, дуть' < монг. *саба* 'ударять'; ср. тюрк. *саваш*, *согыш* 'битва, драка' > як. *охсуһуу* 'битва'; 3) як. *оҕус* 'ударять, бить'; др.-т. *soqış* совместная форма от *soq-* 'бить, толочь'; як. *соҕох* 'пест' < *соҕак*, *соок* 'ступка'.

2. Древнетюркский *ч* в якутском языке перешел в *с*, сохранившись лишь в анлауте некоторых аффиксов, в сочетании с другими согласными и в том случае, если он был долгим. Монгольские *ч* и *дь* регулярно сохраняются, поэтому распространенным соответствием является *с / ч* и реже *чч / дь*: 1) як. *уһа* 'задняя часть туловища животного', ср. кирг., алт. *учкаш*, тув. *ушкаш*, хак. *ухас* 'садиться верхом на одно верховое животное', т. е. ехать на крупе. *Учкаш* можно связать с глаголом *оч* 'сидеть'. Л. Иоки сближал глагол *учкаш* с *уча / уужа* 'задняя часть, крестец, спина' [28. С. 613]. Як. *удьунах* 'задняя часть бедер' < монг., халх. *ögädzäg*, калм. *ödäd* 'бедро, задняя часть бедра' [29. С. 66]; 2) як. *иччи* 'владелец, хозяин, владыка, хранитель, дух-властелин – особый род существ, пребывающих в определенных предметах и явлениях природы' < др.-т. *iti, idi* 'хозяин'. Якутскую форму В. Банг возводит к *idi* через *ii, idi-si* > *iizi*, откуда *iz / čč* [28. С. 239]. Як. *эдьиэн / эдьэн* 'важный, почтенный, в сказках стоит наряду с хан. *Хан Иэйэхсит Эдьиэн айы* – миролюбивый дух, миротворное существо' < монг. *ežen* 'хозяин, владелец'.

3. Древнетюркскому анлаутному *й* – в якутском языке регулярно соответствует *с*, а монгольским *й* и *дь* – *дь*. Это одно из самых распространенных соответствий в этой группе слов: 1) як. *сара* 'ворот, край, граница' < тюрк. *јага, јака* 'воротник, берег, край, граница', як. *дьаҕа* 'край' < монг. *дьака* 'край, берег, воротник'; 2) як. *сүүс* 'лоб' < др.-т. *jüz* 'лицо'; як. *дьуһун* 'внешний вид' < монг. *jisun*, халх. *dzuis* = др.-т. *jüz*; 3) як. *сут* 'голод, бескормица' = монг. *žit*. Ср. монг. *züde*, калм. *züda*, бур.

zuidere 'быть худым, истощенным' > як. *дьүүдьэй* 'тощать, худеть, сохнуть'.

Такое совпадение в одном языке разнооформленных однокоренных слов связано с тем, что якутский язык прошел через несколько этапов развития фонологической системы, в частности среднеязычных и *с*. Первый этап – это состояние фонетической системы, близкое к тому, которое зафиксировано в орхонских памятниках. О существовании на этой стадии анлаутного *й* можно судить по таким фактам, как названия якутов другими народами: *йако-л* у эвенков и *якуты* у русских. Русская форма, по предположению Д. Банзарова, является монгольской формой множественного числа от древнего самоназвания якутов – *йака*. Ср. также такие слова, как *быыйыл* 'этот год, минувший год; в этом году, в минувшем году' и *эһиһил* 'будущий год, в будущем году'. В первом случае корень *йыл* зафиксирован в *й*-стадии, во втором – в *ich*-лаутной стадии. Но переход твердоядных гласных в мягкорядные, возможно, по предположению В. М. Наделяева, объясняется *ich*-лаутной стадией развития *й*.

В течение первого этапа *s- > h- > Ø*. Затем *ç- > s- < č-* – см. примеры (1).

На третьем этапе развития якутский язык испытал мощное влияние какого-то монгольского языка. В якутский язык проникают *ч* и *дь*, и в результате взаимодействия целого ряда факторов формируется система среднеязычных смычных. Хронологические рамки этого периода – XII–XVI вв. (см. примеры (2), (3)).

На четвертом этапе происходит субституция русского и эвенкийского *й* якутским *дь*.

Монгольские слова, попавшие в якутский язык до третьего периода, оформлялись по действовавшему в древнеякутском языке фонетическим законам и не меняли его звуковой системы. А так как якутский язык испытывал монгольское влияние неоднократно, то фонетические соответствия наблюдаются и в монголизмах: *сүк* 'взваливать кого-либо или что-либо себе на спину, поднимать на себе, поднимать вверх' < др.-т. *jük* 'кладь, выюк, тяжесть' = монг. *žuge, žöge*, ср.-монг. *žu'e, žö'e* 'перевозить, грузить' → монг. бур. *zöse*, орд. *öb dzöši* 'имение, имущество'. Эта основа, попав в якутский язык до третьего этапа, дала слово *сүһү* 'рогатый скот'; ср. значение тюрк. *мал* '1. имущество, товар; 2. скот'. На третьем этапе в якутский язык из монгольского попало слово *дьүккүй* 'вытянув шею вперед и книзу, настойчиво и непрерывно тянуть, т. е. вести'.

Во многих случаях якутские монголизмы в монгольском, в свою очередь, были заимствованы из тюркских языков: 1) як. *икки* 'два' < тюрк. *еки* > прототюрк. *ekiz* 'двойня' > протоболгарск. *ikir* > монг. *ikire*

'близнецы' > як. *игирэ* 'близнецы, двойня' [37]; 2) як. *дыағыл* 'лошадиная масть: с большими пятнами на лопатках и шее' < бур. *загал* 'с пятнами на шее и на лопатках'; ср. др.-тюрк. *jaγirII* 'ссадина на спине верхового животного от седла' (*jaγirI* 'лопатка' > як. *сарын* 'лопатка'). Соответствующая монгольская форма имеет в анлауте *᠔*: *dayari* < **daγari* 'спина, стертая седлом место на спине'.

Сложные одновременные процессы языкового смешения привели к образованию в якутском языке группы разноформленных, но этимологически однокоренных слов. Что же касается их семантики, то на проанализированном материале трудно говорить о какой-либо четкой направленности изменения значений монгольских заимствований в лексической системе якутского языка. Значения тюркского и монгольского по происхождению слов могут почти полностью совпасть. Это мы видим в основах типа *сыл/дыл*, *сага/дыага*. Монгольское слово может вытеснить тюркское, оставив за ним лишь очень узкую область употребления (например, так случилось с *сулуу* 'калым'), либо сам монголизм почти полностью утрачивает свою семантику, оставаясь понятным только в составе определенных выражений (*эдьиэн*). Причины таких изменений, выделение разных типов перестройки семантических соотношений между монголизмами и тюркизмами представляют большой интерес и для лексиколога, и для историка якутского языка, и для тюркологов вообще.

В южносибирских тюркских языках наличие таких этимологически однокоренных слов пока не выявлено. Но они представлены в таком маргинальном и сильно смешанном языке, как чувашский.

То, что в якутском языке присутствуют одновременные, попавшие из разных источников этимологически однокоренные лексемы, говорит о его смешанном характере.

Такое же явление, наличие фонетических вариантов, возникшее благодаря многократным и разнородным контактам с носителями различных тюркских языков, характерно и для чувашского языка.

Чувашское слово может иметь дублиеты и даже триплеты, возникшие в результате языкового смешения [16. С. 114, 115].

Др.-чув.	Заемствования из кыпчакских языков	Татарское заимствование в чувашский
<i>алак</i> 'дверь'	<i>ашак</i> 'щиповка'	<i>ишек</i> 'дверь'
<i>кӑн, хӑн</i> 'разгибайся, выпрямляйся'	<i>кун, кун</i> 'выпрямляйся, соглашайся'	<i>кун</i> 'соглашайся'
<i>нар</i> 'дать'		<i>бир</i> 'дать'
	<i>пер</i> 'ударить'	<i>бэр</i> 'ударить'
<i>пах</i> 'смотреть'		<i>бак</i> 'смотреть, высматривать'
<i>чӑн</i> 'жизнь'	<i>тӑн</i> 'дыхание'	<i>тын</i> 'дыхание'

Таким образом, говорить об общесибирских изоглоссах в области лексики на том уровне исследования, которым мы располагаем в настоящее время, еще сложно. Сибирская общность, противопоставляющая сибирские языки другим тюркским языкам, возникает за счет наличия общего или подобного субстрата и суперстрата, общих или сходных языковых контактов.

Список использованной литературы

1. *Рассадин В. И.* Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник-1977. М.: Наука, 1981. С. 219–232.
2. *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969.
3. *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980.
4. *Попов Г. В.* Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. Сравнительно-историческое исследование. Якутск, 1986.
5. *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.
6. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков* / Отв. ред. В. И. Цинциус. В 2-х тт. Т 1. Л.: Наука, 1975. Т. 2. Л.: Наука, 1977.
7. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т11, СПб., 1893-1911.
8. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki. 1969.
9. *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish // Oxford, Clarendon Press, 1972.
10. *Тувинско-русский словарь.* Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968.
11. *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971.

12. Русско-хакасский словарь / Под ред. Д. И. Чанкова. М., 1961.
13. Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969.
14. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971.
15. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
16. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов среднего Поволжья. М., 1931.
17. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
18. Левитская Л. С. Названия частей тела в якутском языке // Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976.
19. Doerfer Gerhard. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen // Wiesbaden, Otto Harrassowitz, Bd. I, 1963; Bd. II, 1965. S. 671; Bd. III, 1967; Bd. IV, 1972.
20. Демьяненко З. П. Долганский билур в ряду однокоренных слов // Лексика и морфология тюркских языков. Новосибирск, 1982. С. 59–68.
21. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Вып. 1–13, СПб, Пгр. Л., 1907–1930 гг.
22. Древнетюркский словарь. Л., 1968.
23. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск, 1979.
24. Houtsma H. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
25. Pritsak O. Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1955.
26. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1955.
27. Цинциус В. И., Бугаева Т. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
28. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. I–IV. М.: Наука, 1974.
29. Kałuzyński St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache // Warszawa: Państwowe wydawnictwo, 1961.
30. Исхаков Ф. Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1962.
31. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I, Vergleichende Lautlehre // Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960.
32. Широбокова Н. Н. Материалы сибирской зоны ДАТЯ (лексика) // Языки и народы Сибири. Кемерово, 1978.
33. Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Изд-во вост. лит., 1960.

34. Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов. X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
35. Bang W. Von Gabain A. Türkische Turfantexte. I. Bruchstücke eines Wahrsagebuchs. SPAW. 1929. Bd XV.
36. Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
37. Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? // Вопросы языкознания, 1974, № 2.

Список условных обозначений

- ПТ – пратюркский
 ПС – прасамодийский